

Одиннадцатый съезд РКП (б). 27 марта – 2 апреля 1922 г. : стеногр. отчетотчет, М., 1961.

Политика институциональных преобразований: от теории к практическим рекомендациям. М., 2013.

Последние из могикиан: красные купцы эпохи нэпа. Материалы и документы об уральских коммерсантах 1921–1928 гг. Уфа, 2003.

Стратегия модернизации экономики России: теория, политика, практика реализации. М., 2011.

Челинцев А. Н. Методология и практика сельскохозяйственного районирования (избранные труды). М., 2006.

Шелохаев В. В. Российские реформы как теоретико-методологическая проблема // Россия в XX веке: Реформы и революции : в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 46–54.

УДК 94(470.5).084.3/084.5:323.32

О. М. Семерикова

СОВЕТСКИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТРУДОВЫЕ КОММУНЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕСТВА БУДУЩЕГО: МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ¹

В статье рассматриваются основные действия большевиков по реализации проекта «сельскохозяйственная трудовая коммуна» в деревне, преимущественно в начальный период существования коллективов (1917 – первая половина 1920-х гг.). Используемые механизмы по включению данного концепта в сельскую повседневность смогли существенно увеличить вовлеченность крестьянского населения в коммунитарные практики. Но реальная жизнь скорректировала возможности по воплощению теоретических положений, что отразилось в правотворческой деятельности государства и в формировании мифологически преломленного представления о коммуне среди населения (что повлияло на создание новых и использование старых (традиционных) механизмов внутренней регуляции коллективов).

Ключевые слова: сельскохозяйственная трудовая коммуна, коммунистический проект, раннесоветский период.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»)

С октября 1917 г. начался новый этап развития аграрного сектора экономики России. Была ликвидирована частная и единоличная собственность на землю, новая власть поддержала коллективные формы сельскохозяйственного производства (коммуны, артели, ТОЗы) наряду с созданием советских хозяйств на национализированных землях. Сельскохозяйственная трудовая коммуна была объявлена высшей формой коллективного хозяйства с всемерной поддержкой со стороны советского государства.

В реализации проекта «коммуна» правительство не только сделало упор на создание новых правовых, экономических и идеологических условий, но и ориентировалось на предыдущий мировой и российский опыт организации коллективов с совместным трудом и бытом. Эта теория и практика была представлена интеллектуальными трудами и экспериментами социалистов-утопистов (Ш. Фурье, В. Консидерана, Р. Оуэна и др.), опытом Парижской коммуны, работами основателей коммунистического движения К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ульянова (Ленина), произведениями Н. Г. Чернышевского и других идеологов коммунистического движения из среды народников и социалистов, а также религиозным и сектантским опытом.

В России коммуны как сообщества с высоким уровнем обобществления трудовой деятельности и быта появились в XIX – начале XX в. Их организаторами выступали интеллектуалы и сектанты различных толков [Гордеева; Редькина]. В условиях системного кризиса периода Первой мировой войны и революции, когда «в сознании российских обывателей и интеллектуалов необыкновенно активизировались антииндивидуализм, антикапитализм, антиурбанизм и антилиберализм» [Гордеева, с. 46], опыт создания коммун оказался востребован как с идейной, так и с экономической точек зрения.

В 1917 – первой половине 1918 г. большую роль в продвижении идеи коммунального строительства сыграли левые эсеры. Благодаря их авторитету и активной деятельности представления о коммуне стали проникать вглубь народных масс. Кроме того, эсеры приняли непосредственное участие в подготовке и реализации «Основного закона о социализации земли», утвержденного ВЦИК 27 января 1918 г. В этот период в условиях обоюдной заинтересованности в совместной тактике по сохранению власти и задаче по дальнейшему воплощению социалистического проекта некоторые теоретические расхождения по аграрному вопросу с большевиками были временно отставлены в сторону (прежде всего, в цели аграрной программы – левые эсеры выступали за социализацию земли, а также в методах и принципах создания коллективных хозяйств – за ненасильственную поступательную трансформацию крестьянской общины в коммуны [Якимов, с. 14, 16]).

Общественный и научный интерес к сельскохозяйственным трудовым коммунам проявился уже в 1918 г. Работы начального периода имели преимущественно пропагандистский [Дышлер; Азбука коммунизма; Мещеряков] или публицистический характер с разным уровнем лояльности к данным коллективам [например: Маслов; Ларин]. Среди них были и научные труды на основе опубликованных добротных статистических материалов [Сельскохозяйственные коммуны]. В дальнейшем коммунальное строительство кратко рассматривалось в рамках работ по развитию колхозного строительства. Особо необходимо выделить сборники документов этого периода, где представлен законодательный корпус источников и документы по аграрной политике власти на центральном и региональном уровнях [Аграрная политика; Кооперативно-колхозное строительство]. В советский и современный период вышло лишь несколько специальных научных работ по истории сельскохозяйственных коммун [Усатова; Гришаев; Дюран], что ставит задачу по дальнейшему глубокому и всестороннему изучению истории данных коллективов.

Целью статьи является рассмотрение механизмов создания и деятельности сельскохозяйственных трудовых коммун в раннесоветский период на основе проектного подхода, который позволяет сформировать представление о явлении как опыте конструирования «общества будущего» и проследить возможность применения коммунистической и социалистических теорий в российской деревне.

Реализация большевистского проекта «сельскохозяйственная трудовая коммуна» началась с формирования правовой базы (см.: [Инструкция и положение]), создания организационных структур на всех уровнях власти (центр—губерния—уезд—волость)², материального и денежного фондов³. Так как процесс появления сельскохозяйственных коммун уже был запущен и носил самостоятельный характер со стороны некоторой части российского общества, задачи большевистской партии были определены как «всемерная поддержка» (в рамках концепции о преимуществах коммунистической коллективной формы производства над всеми остальными) и формирование единообразия

² «Инструкция для организации бюро коммун», утвержденная Наркомземом от 17 августа 1918 г.; «Положение об инструкторах по коммунаам», утвержденное Наркомземом от 17 августа 1918 г. [Аграрная политика, с. 408–410].

³ Постановление Совнаркома «Об ассигновании 10 миллионов рублей на мероприятия по развитию земельных коммун» от 2 июля 1918 г.; Постановление Совнаркома об ассигновании Наркомзему 50 миллионов рублей для выдачи ссуд местным исполнительным комитетам на нужды земельных органов и организацию земельных коммун от 3 августа 1918 г.; Декрет Совнаркома «Об образовании специального фонда на мероприятия по развитию сельского хозяйства» от 2 ноября 1918 г. [Аграрная политика, с. 399, 403, 415–416].

(«чтобы коммуны организовывались согласно закону о социализации земли, чтобы они строились действительно на трудовых началах, чтобы в них входили исключительно трудовые элементы, чтобы коммуны не вырождались в капиталистические предприятия в скрытой форме»⁴ [Аграрная политика, с. 398]).

В рамках этих установок был разработан типовой устав сельскохозяйственной коммуны, где были прописаны основные характеристики создаваемого коллектива и возможности для его существования. В Инструкции к составлению устава от 3 августа 1918 г. было зафиксировано, что «коммуна может быть распущена органами Советской власти в случае несоответствия ее деятельности с основными положениями Советской Конституции» [Аграрная политика, с. 405], что говорит о начале процесса встраивания так называемых «диких» сельскохозяйственных коммун в единое контролируемое новой властью пространство.

В дальнейшем было опубликовано еще несколько нормальных уставов, так как первый и последующие не смогли в полной мере отразить все многообразие вопросов, связанных с практическим воплощением теории в жизнь. В частности, несмотря на то, что уже в Инструкции 1918 г. было указано, что «коммуны должны всемерно стремиться к развитию в земледелии крупного общественного хозяйства путем слияния и объединения коммун, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов» [Аграрная политика, с. 403], в законодательстве 1919 г. была сохранена возможность создавать небольшие по численности коллективы: «не менее 5-ти (домохозяев. — О. С.) или при наличии 15-ти трудоспособных» [Положение о записи, с. 1]. Это было обусловлено тем, что в основе процесса лежало, в том числе, объединение на семейной и родственной основе (особенно в крестьянской среде периферийных регионов, где значительная часть коммун имела в своем фонде общинные земли), и тенденции к укрупнению развивались очень медленно и неохотно поддерживались коммунарами.

Кроме того, в условиях необходимости ориентироваться на реальные процессы, происходившие в деревне с целью сохранения положительной динамики в коммунарском движении и корректировки на их основе своей правотворческой деятельности, появлялись и другие изменения, причем этот процесс был перманентным на всем протяжении 1920-х гг. Например, в уставе 1919 г. был разрешен наем рабочей силы: «если для исполнения работ, требующих специальных знаний и подготовки, не находится подходящих членов коммуны... и когда коммуна явно не в состоянии справиться с рабо-

⁴ Циркуляр отделения о коммунах Наркомзема губернским Советам об организации сельскохозяйственных коммун (не ранее 30 мая 1918 г.).

той» [Нормальный устав, с. 437–438]); в 1925 г. в типовой устав была введена норма о распределении доходов между членами коммуны в соответствии не с принципом равенства, а соразмерно количеству вложенного труда. В отношении последнего положения отметим, что оно носило рекомендательный характер, так как принцип «каждый в коммуне трудится по своим силам и получает по своим нуждам» [Аграрная политика, с. 400] был по-прежнему привлекателен для крестьян второй половины 1920 – начала 1930-х гг. Тем более что в мифологическом преломлении крестьянского сознания коммуна виделась в качестве традиционной семьи как производственной ячейки, где, согласно воспоминаниям первых коммунаров из Краснодарского края, «крестьяне и казаки никогда не учитывали, кто сколько сделал и сколько съел. Острые нужды каждого определялись сообща» [Гришаев, Сельскохозяйственные коммуны, с. 85]. От себя добавим, что это восприятие коммун сочеталось с сохраняющейся в коллективе трудовой крестьянской этикой, где все половозрастные отличия уже были учтены.

В рамках поддержки коммунального движения важным механизмом продвижения проекта явилась широкая пропаганда и агитация среди народных масс. Так систематическая публикация в центральной и местной печати материалов о выделении средств на организацию коммун способствовала тому, что уже летом 1918 г. количество заявлений о создании коллективов и просьб о выделении ссуд выросло в геометрической прогрессии [Гришаев, Сельскохозяйственные коммуны, с. 57].

Основная деятельность возлагалась на бюро коммун при уездных и губернских земельных отделах. С лета–осени 1918 г. началась их работа по распространению информации среди сельского населения о «преимуществах коллективной землеобработки перед единоличной и о мероприятиях Советской власти, намеченных и твердо проводимых в исполнение по предмету создания сельскохозяйственных коллективов»⁵ [Кооперативно-колхозное строительство, с. 34].

Регулярно созывались уездные съезды представителей земельных отделов. На них выступали члены партии большевиков, которые участвовали в мероприятиях общероссийского уровня и сообщали об основных решениях правительства, которыми должны были руководствоваться власти на местах. Так, например, на Павловском уездном съезде представителей волостных земельных отделов 28 декабря 1918 г. его председатель П. Фуфаев, побывав на Всероссийском съезде уземотделов, передал мнение Ленина:

⁵ Отчетный доклад бюро коммун Ардатовского уезда в уземотдел о деятельности за ноябрь 1918 г.

«Переход к социалистическим видам хозяйства должен происходить постепенно... что рабоче-крестьянское правительство в деревне ведет борьбу только с кулачеством, с средним же крестьянином оно борьбы не ведет, а лишь желает взять от него те излишки, в которых у него нет нужды, но которые необходимы пролетариату деревни и города... В основу землепользования за период времени 10–15 лет... съезд наметил четыре вида хозяйства: ...а) советские хозяйства, или, как их называли, фабрики земледелия, где хозяйства будут вестись наемными силами под руководством специалистов-агрономов, б) сельскохозяйственные коммуны и другие объединения, в) общественная запашка и г) единоличное пользование»⁶ [Там же, с. 36–37].

Задача по увеличению числа сельскохозяйственных коммун была поставлена и перед партийными органами. Для этого им было делегировано право контроля над деятельностью советских административно-хозяйственных структур и ее корректировки. Процедура осуществлялась через проведение различных заседаний и вынесение резолюций:

«Слушали: доклад уземотдела. Постановили: ...исполком находит работу уземотдела удовлетворительной... Комитет предлагает уземотделу сейчас же принять меры к организации сельскохозяйственных коммун, установив в них суровую товарищескую дисциплину и тем самым отделить честное беднейшее трудовое крестьянство от бедняков-лодырей»⁷ [Кооперативно-колхозное строительство, с. 38].

Приведем еще пример. 20 октября 1918 г. Новосильский уездный съезд РКП (б) Тульской губернской партийной организации принял резолюцию «Об организации сельскохозяйственных коммун», согласно которой квалифицировал коммуны как очаги социализма и крепости советской власти в деревне и обязывал каждого члена партии «приложить все усилия к самой широкой агитации среди граждан уезда за образование сельскохозяйственных коммун» [Гришаев, Сельскохозяйственные коммуны, с. 24].

В свою очередь, представители волземотделов и местных партийных ячеек выходили с полученной информацией в деревню. Так, 18 февраля 1919 г. было проведено общее собрание жителей дер. Банниково Доскинской волости Павловского уезда Нижегородской губернии об организации сельскохозяйственных коллективов. На нем в присутствии 45 домохозяев был заслушан доклад землемера

⁶ Заседание Павловского уездного съезда представителей волземотделов о работе I Всероссийского съезда земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 28 декабря 1918 г.

⁷ Из протокола экстренного заседания Ардатовского уисполкома о мерах для полного засева земель и организации сельскохозяйственных коммун в уезде 24 февраля 1919 г.

Фигуровского, где объяснялись «нормальные уставы коммуны, артели и товарищества и разницу в организации этих объединений». После «обсуждения и обмена мнениями» вопрос был поставлен на прямое голосование⁸ [Кооперативно-колхозное строительство, с. 37–38].

В ситуации индифферентного или отрицательного отношения крестьян к проводимым беседам у некоторых пропагандистов возникло желание применить радикальные меры, некоторые из которых воплощались в жизнь. Так представитель Наркомзема в Орловской губернии в ноябре 1918 г. в своем докладе по результатам поездки настаивал, помимо оказания «самой деятельной помощи коммуна всем необходимым, поставив (их. – О. С.) в привилегированное положение» осуществлять беспощадную борьбу «с врагами и провокаторами, путем экономического террора и введением для них принудительных работ... Для этого надо иметь самые сознательные кадры Красной Армии, на которые можно опереться» [Доклад, л. 8]. Но так как центральная власть и лидеры партии выступали исключительно за принцип добровольности в организации коммун, то эти случаи носили единичный характер и в основном имели место в 1918–1919 гг.

В качестве выхода из ситуации слабой активности крестьянского населения в начальный период было предложено обязательное участие партийных работников в непосредственной организации коммун с вхождением членами в ее состав. Последнее положение было зафиксировано в многочисленных партийных резолюциях. В одной из них, например, указано следующее:

«Организации не могут ограничиваться одними разъяснениями и призывами к введению общественной обработки земли, они должны показывать пример всему другому населению, как передовые бойцы за коммунизм, и должны поэтому первые переходить к общественному хозяйству, устраивая коммуны, и вводить общественную обработку»⁹ [Кооперативно-колхозное строительство, с. 40].

В условиях начавшейся гражданской войны, малочисленности ячеек РКП (б), «отсутствия литературы... у организаторов коммун и знакомства с уставами таковых», в том числе в бюро коммун, «новизны дела» («новый строй рисует всякий по своему как кому вздумается и даже масса из партийных работников смутно представляют себе это новое, которое они проповедают») [Доклад, л. 5, 7] непросто было воплотить в жизнь казавшуюся на первый взгляд легкой задачей.

⁸ Протокол общего собрания жителей дер. Банниково Доскинской вол. Павловского уезда об организации сельскохозяйственных коллективов 18 февраля 1919 г.

⁹ Из обращения Сергачского укома РКП (б) к партийным организациям уезда о задачах парторганизаций в деревне от 10 марта 1919 г.

Действительно, коммунисты активно создавали коллективы¹⁰, эта тенденция существовала на всех этапах (вплоть до начала 1930-х гг.). Но жизнь подобных сельскохозяйственных коммун заканчивалась в лучшем случае через 1–2 хозяйственных года (особенно на первых двух этапах – 1917–1919 и 1920–1924/1925 гг.). Такая ситуация была обусловлена недостатком сельскохозяйственного, делопроизводственного и иного опыта у организаторов, необходимостью совмещения новых обязанностей с партийной должностью, сложностями экономического (нехватка или неудовлетворительность качества ресурсов, затягивание процедуры наделения землей) и идеологического (низкий уровень коммунистической и трудовой сознательности и дисциплины у основной массы коммунаров) порядка. Кроме того, в условиях нехватки профессиональных партийных кадров в 1918 – первой половине 1920-х гг. многих способных организаторов переводили в другую коммуну или на другой «фронт работы» без ведома других членов коллектива, что иногда приводило к распаду сельскохозяйственного коллектива.

Одним из способов сохранения и роста численности сельскохозяйственных коммун стала тактическая линия большевистской партии и правительства на сотрудничество с сектантами различных толков, старообрядцами и православными монашествующими. Исследование сектантских коллективов началось еще до революции, одним из первых, кто проанализировал их деятельность, был В. Д. Бонч-Бруевич, труды которого внимательно прочитал В. И. Ленин. 5 октября 1921 г. было опубликовано воззвание Народного комиссариата земледелия (далее – НКЗ) «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей», где обращалось внимание на основную идею приверженцев этих религиозных течений, взятую из «Деяний апостолов»: «и никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее» [Труды, с. 203]. Этот похожий на главный лозунг коммунаров концепт был взят за основу для обоснования появления нового феномена – сельскохозяйственного религиозного трудового коллектива. Под последним понималась религиозно-производственная организация, имевшая официальный статус сельскохозяйственного кооператива (колхоза) и подконтрольная органам НКЗ. Целью данных коллективов определялось социально-экономическое переустройство общества

¹⁰ Например, инициаторами создания двух коллективов Осинского уезда Пермской губернии в феврале 1921 г. стали волостной организатор РКП (б) при с. Аспе Качегин Константин Гаврилович (коммуна «Авангард коммунаров») и секретарь райкома РКП (б) Иванова Татьяна Иосифовна (Юго-Осокинская коммуна «Красное знамя труда») [ГАПК, ф. Р-367, оп. 1. д. 140, л. 11; д. 146, л. 2].

на основа христианского социализма (религиозного коммунизма) при сотрудничестве с советским государством в аграрной сфере. По настоянию властей такой коллектив не должен был входить в структуру крупных религиозных организаций, поддерживать их материально, не допускалась «эксплуатация религиозных чувств» как основа взаимоотношений его членов [Редькина, с. 3].

Как отмечалось в 1921 г. представителем Самарской губернии на II Всероссийском Съезде сельскохозяйственных коллективов, «эти общества имеют уже большую духовную и экономическую сплоченность членов, связанных религиозными убеждениями, ведут свои хозяйства образцово» [II Всероссийский, л. 158]. Именно желание правительства иметь жизнеспособные колхозы с хорошей дисциплиной и высокими производственными показателями, которые могли бы развиваться в основном за счет внутренних ресурсов с минимальной помощью государства, способствовало активной поддержке этих коллективов со стороны НКЗ вплоть до конца 1920-х гг., несмотря на часто встречавшуюся иную позицию низовых структур и местных органов власти. Так, например, если Москва была заинтересована в сохранении и развитии комплексного хозяйства на базе бывших монастырских хозяйств, организации в них, прежде всего, колхозов и артелей из трудового элемента монашествующих, то местные органы власти зачастую полагали, как и в 1918–1920 гг., что в монастырях необходимо создавать совхозы [Редькина, с. 33, 34].

В результате оказалось, что НКЗ и правительство не смогли существенно поднять численность коммун за счет данной политики. Это было обусловлено тем, что большевики, начав поддержку таких коллективов, имели смутное представление о реальной религиозной ситуации в деревне, переоценили «революционный потенциал» этих коллективов и экономическое благосостояние зарубежных религиозных групп, реэмигрировавших в Россию, зависили численность и влияние в крестьянской среде старого русского сектантства, старообрядчества и протестантов [Там же, с. 33].

Наиболее значимым механизмом сохранения и роста численности сельскохозяйственных коммун стала их активная финансовая и иная поддержка со стороны государства. Материальный фонд коммунарского движения, охватившего на первом этапе (1917–1919) территории в большей степени центральных, западных и юго-западных губерний, был сформирован на основе бывшей частной собственности (уточним, что позднее коммуны создавались также на надельных, церковных, казенных и прочих землях). Часть крупных национализированных поместий была переданы государством тем желающим, кто готов был организовать в них сельскохозяйственные трудовые

коммуны. Ограничения для членства в коллективе на первом этапе (1918–1919 гг.) были минимальными¹¹.

Но, как оказалось, в бывших частных имениях коммунары столкнулись с множеством проблем, не позволивших сформировать в массовом порядке эффективные высокопродуктивные хозяйства. Неудовлетворительное качество жилых построек (в силу их расхищения), сложности ремонта (отсутствие плотников, строительных материалов), несоответствие внутренней планировки бывших поместий цели коллективного проживания (на основе опыта в 1925 г. некоторыми коммунарами констатировалось, что «...для колхоза помещичья постройка неудобна, она является настоящей погибелью» [Труды, с. 176]), недоброжелательное отношение окружающего населения (по причине столкновения интересов по земле – первые коммуны создавались в основном пришедшим населением) сократили сроки существования коммун.

Кроме того, на активные призывы большевиков объединяться в коммуны на начальном этапе откликнулась наиболее инициативная, предприимчивая, образованная часть общества, и это были преимущественно не крестьяне, так как последние выступали за сохранение общинной формы хозяйствования. Отсутствие возможности систематического контроля (по линии идеологического соответствия большевистскому проекту) над вновь создаваемыми коммунарами в условиях гражданской войны способствовало процессу формирования коллективов со слабой или отсутствующей коммунистической составляющей. Создание сельскохозяйственной коммуны рассматривалось организаторами (бывшими хуторянами, отрубниками, помещиками и представителями иных непролетарских категорий населения) как возможность в новых условиях возобновить или продолжить самостоятельную хозяйственную траекторию развития и/или сохранить свою собственность.

Местные власти в основном не препятствовали созданию таких коммун (так как это повышало количественные показатели по социализации деревни), если их интересы не совпадали с интересами актива коммуны относительно каких-либо материальных ресурсов. В случае конфликта советские и партийные органы использовали принципы «военного коммунизма» и «пролетарской справедливости», что приводило к роспуску коммун. К 1920/1921 гг. в условиях усиления идеологического контроля на местах подобные коммуны завершили свое существование путем ликвидации или реорганизации.

¹¹ В состав коммуны не могли войти: «живущие на нетрудовой доход (капиталисты, помещики, кулаки); торговые и коммерческие посредники; священники и [другие] служители религиозных культов; бывшие жандармы, полицейские, охранники; умалишенные; опороченные народным судом; лица, замеченные в спекуляции, пьянстве, винокурении, азартных играх и в других подобных поступках, нетерпимых в совместной жизни [Инструкция к составлению устава, с. 405].

Выдача ссуд (сроком от 1,5 лет до 10 лет) «на организацию и поддержку сельскохозяйственных коммун» [Аграрная политика, с. 403] со второй половины 1918 г. из специального миллионного, а затем и миллиардного фонда также способствовала существенному росту заявлений о создании сельскохозяйственных коммун. Например, в Смоленской губернии в 1919 – начале 1920 г. на приобретение продовольствия и обсеменение полей ссуды выдавались на 1,5 года, на покупку скота, на устройство и ремонт мельниц, кирпичных заводов и пасек – на 5 лет, на возведение и ремонт построек – на 10 лет [РГАЭ, ф. 478, оп. 4. д. 156, л. 2].

Несмотря на прописанные правила выдачи ссуды и двойную ответственность уездного земельного отдела и совета коммуны¹², в условиях гражданской войны, неурожая, сложностей с продовольствием и голода, в 1918–1920 гг. государственные финансовые ресурсы расходвались в основном на нецелевые нужды и не возвращались. Воспользовались правом на государственную поддержку не все, а самые активные и предприимчивые, причем последнее касалось не только организационного звена коллективов, но и местных властей, у которых осело (судя по отчетам¹³) по статьям на текущие и плановые мероприятия значительное количество денежных средств. Махинации и/или безответственность последних были, видимо, обычным явлением¹⁴. Как следствие, результат,

¹² В Правилах выдачи ссуд сельскохозяйственным производственным коммунам, утвержденных Наркомземом от 24 августа 1918 г. было указано: «Уездный земельный отдел передает ассигнованные суммы совету коммуны и, являясь ответственным за отпущенные средства, наблюдает за расходованием их коммуной. Совет коммуны расходует полученные средства в полном соответствии с утвержденной сметой и несет строгую ответственность за неправильное расходование отпущенных ей сумм, вплоть до предания суду членов совета, роспуска коммуны и отобранием всего имущества» [Аграрная политика, с. 403].

¹³ См.: [РГАЭ, ф. 478, оп. 4. д. 156, Годовые и месячные отчеты Рязанского, Пензенского и других губернских миллиардных комитетов за 1919 г. и ведомости распределения ссуд и пособий].

¹⁴ Например, согласно докладной записке из Казанской губернии от вновь назначенного зав. Отобсельхозом 23 ноября 1919 г. следовало, что «Журнал–Главная и Книга лицевых счетов Губкомитетом (земледелия. – О. С.) не заведены по следующим причинам: при получении 1-го миллиона он был распределен по коллективам в счет утвержденных без указания срока <...>. Одни из коллективов открыли текущие счета в казначействах, другие нет. <...> С текущих счетов коллективы получали суммы в счет общей сметы, не указывая на какие нужды – а следовательно полученную сумму неизвестно куда ставить в лицевой счет: в ссуду до 1 года, до 2 лет или до 15 лет. В счет 2-го миллиона было занято у губземотдела 450 000, которые переведены прямо на уземотделы без указания сумм каждому коллективу. Уземотделы выдавали кроме этих средств и из средств НКЗ, из средств Оргасева и др. Таким образом, все средства, отпущенные коллективам перемешались. Формального обязательства не было взято ни с одного коллектива. <...> Некоторые коллективы уже получили (ссуды. – О. С.) сверх сметы. Некоторые коллективы распались и неизвестно, куда поступили неиспользуемые ими суммы» [РГАЭ, ф. 478, оп. 4. д. 155, л. 71].

на который рассчитывали большевики, достигнут не был. Тем не менее, для беднейшей части населения, вступившего в коммуны, получение поддержки от государства не только в сложный период гражданской войны, но и позднее, имело принципиально положительное значение.

Вообще, контроль над жизнью в коммуне и кураторская помощь чаще всего были слабыми и зависели главным образом от позиции и заинтересованности в этом местных властей¹⁵. С одной стороны, это ограничило возможности по повышению производительности, внедрению качественно новых аграрных технологий и ведению общей идеологической работы внутри коллектива. С другой – эта ситуация сохраняла элементы внутренней свободы и самостоятельности в принятии решений в текущей деятельности коммун. В этом случае огромную роль играл актив коммуны, от его уровня хозяйственно-трудовой подготовки, организаторского таланта, готовности к системному подходу в функционировании коллектива (сочетание производственных, бытовых, культурно-просветительских, идеологических задач) зависела судьба последнего.

При реализации большевистского проекта «сельскохозяйственная трудовая коммуна» властные и партийные органы использовали разнообразные механизмы внедрения коммунистических идеалов в повседневность деревенского пространства. Пропаганда, материальное стимулирование, тактика привлечения идеологически чуждых, но экономически заинтересованных элементов общества, использование партийного кадрового ресурса, а также насилие (явное и опосредованное) значительно ускорили процесс формирования в деревне новых коллективных форм хозяйства с максимальным уровнем обобществления. В результате продолжилась тенденция на создание коммун по инициативе исключительно самих крестьян.

Первоначальный проект создания коммун не смог быть осуществлен в силу его изначальной утопичности, а также неоднородности, перманентной трансформации и формирующихся новых мифологических смыслов объекта конструирования (сельскохозяйственных коммун). Цель проекта (коммунизация деревни) достигнута не была, что привело к началу политики коллективизации. Тем не менее, именно

---

¹⁵ Например, на заседании Нижегородского губкома РКП (б) при обсуждении вопроса о работе губземотдела по развитию коллективных форм сельского хозяйства 7 июля 1920 г. было указано, что «в культурно-просветительской работе с/х коллективы – это забытый фронт. Представители уездной партийной власти совсем не бывали ни в одном коллективе, агрономы и инструктора и те заглядывали к ним редко» [Кооперативно-колхозное строительство, с. 80–81].

сельскохозяйственные коммуны стали тем субъектом деревенской действительности, в рамках которого сформировались идеологические, экономические, культурные и образовательные маркеры новой советской деревни.

II Всероссийский Съезд сельскохозяйственных коллективов 1921 г. : стенограмма // РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8. Л. 138–172об.

Аграрная политика советской власти (1917–1918 гг.). Документы и материалы. М., 1954.

Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков / Н. Бухарин и Е. Преображенский; Рос. коммунист. партия (большевики). Пб., 1920.

ГАПК. Ф. Р-367 (Осинский уездный земельный отдел Осинского уездного исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (г. Оса Пермской губернии)).

Гордеева И. А. Общинный миф и общинный эксперимент в истории России XIX–XX вв.: [Предисловие] // Дюран Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России / под ред. И. Утехина. СПб., 2010. С. 7–74.

Гришаев В. В. История сельскохозяйственных коммун: итоги изучения, проблемы. Красноярск, 1986.

Гришаев В. В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России. 1917–1929. М., 1976.

Доклад инспектора Наркомзема Ивана Чикенова о поездке в Орловскую губернию 18 ноября 1918 г. // РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8.

Дышлер П. Я. Как устраивать сельскохозяйственные коммуны: (Проект коммунальной формы сельск. хоз. [с примерным уставом коммуны]). Петроград, 1918.

Дюран Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России / под ред. И. Утехина. СПб., 2010.

«Инструкция к составлению устава сельскохозяйственных коммун», утвержденная Наркомземом 3 августа 1918 г. // Аграрная политика советской власти (1917–1918 гг.): док-ты и мат-лы. М., 1954. С. 403–405.

Инструкции и положения о коммунах, изданные Народным комиссариатом земледелия. М., 1918.

Кооперативно-колхозное строительство в Нижегородской губернии (1917–1927): док-ты и мат-лы. Сост. В. В. Колябин. Горький. 1980.

Ларин Ю. Советская деревня. М., 1925.

Маслов С. Коллективно-земледельческое движение в современной России // Современные записки. 1922. Кн. X. С. 195–233 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emigrantika.ru/bib/228-bookv> (дата обращения: 20.08.2018).

Мещеряков Н. Л. Кооперация в Советской России. М., 1922.

«Нормальный устав сельскохозяйственных производительных коммун», утвержденный Наркомземом 19 февраля 1919 г. // Аграрная политика советской власти (1917–1918 гг.): док-ты и мат-лы. М., 1954. С. С. 433–441.

Положение о записи трудовых сельско-хозяйственных производственных коллективов, коммун, артелей и товариществ по общественной обработке земли: [8 сентября 1919 г.]. Пермь, 1920.

РГАЭ. Ф. 478 (Народный комиссариат земледелия РСФСР).

Редькина О. Ю. Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917–1930-е гг.: на материалах европейской части РСФСР : автореф. дисс... докт. ист. наук. Волгоград, 2004.

Сельскохозяйственные коммуны по материалам обследования Московского высшего Кооперативного института в 1923 г / под ред. А. А. Биценко. М., 1924.

Труды Первого Всесоюзного совещания сельскохозяйственных коллективов (коммун, артелей и товариществ по общественной обработке земли) 26 февраля – 6 марта 1925 г. М., 1925.

Усатова А. Н. Аграрные преобразования и первые коммуны во Владимирской губернии. Владимир, 1961.

Якимов Д. В. Аграрный вопрос в политике большевиков и левых социалистов-революционеров в феврале 1917 г. – июле 1918 г. (на материалах Саратовской губернии) : автореф. дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2008.

УДК 94(571).084.5/084.6:338.43

В. А. Ильиных

АГРАРНЫЕ ПРОЕКТЫ 1920-х гг.: АЛЬТЕРНАТИВА ИЛИ «ГРАДОВЦИНА»?

В статье осуществлен ретроспективный анализ двух проектов аграрного освоения Сибири: Перспективного плана развития сельского хозяйства Сибирского края 1926 г. и Генерального плана развития народного хозяйства 1930 г. Выявлены содержащиеся в них элементы прожектерства. Определены архетипы советской практики перспективного планирования.

Ключевые слова: советский проект, перспективное планирование, сельское хозяйство, проекты аграрного развития, А. В. Чаянов, А. Платонов.